

Святитель Феофан Затворник

Начертание
Христианского
нравоучения

СПИТЕСЬ

святитель Феофан Затворник

**Начертание Христианского
нравоучения**

Православное издательство "Сатись"

2007

святитель Феофан Затворник

Начертание Христианского нравоучения / святитель Феофан
Затворник — Православное издательство "Сатись", 2007

ISBN 5-7373-0016-1

Ищущий спасения, просвещаясь верой, должен иметь основательное познание и о том, чего требует от него вера, как следует ему жить и действовать, как христианину. Такое познание может быть приобретаемо через чтение и слушание Слова Божия, отеческих писаний, бесед и поучений, предлагаемых с церковной кафедры, и друг от друга во взаимных сношениях с христианами. Но вернейшим способом к тому служит изображение христианской жизни в общем обзоре, где разные правила христианской жизни были бы изложены в порядке, во взаимном подчинении одних другим и в возможной полноте. Правила жизни в сем случае легче могут быть усвоены и вернее поняты.

ISBN 5-7373-0016-1

© святитель Феофан Затворник, 2007

© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
I. Основы христианской жизни	9
Воплощенное домостроительство	10
Домостроительство	10
Снятию с нас вины греха и клятвы законной, или нашему оправданию, состояться невозможно без воплощения бога	11
Довлеющую жертву за грех мог принести только бого человек, или бог воплотившийся	11
Восполнить время жизни, проведенное в грехе, делами правды могут только дела богочеловека	13
Но и обновление наше, или дарование нам новой жизни, также невозможно без воплощения бога	15
Союз с церковью	18
Норма христианской жизни	20
Первоначальная норма нравственной жизни человека	20
Какая цель человека?	20
Какой путь к сей цели, или как приспособлен к ней человек?	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Святитель Феофан Затворник Начертание Христианского нравоучения

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозжского ВЛАДИМИРА

© Издательство «Сатисъ», 2007

Предисловие

Третий и четвертый выпуски писем о христианской жизни содержат полный очерк христианского нравоучения в системе особого рода. Как эту систему в письмах затруднительно видеть, а между тем ознакомиться с ней, как мне думается, бесполезно для желающих точнее изучить сей предмет; то мне пришло на мысль отменить форму писем и издать очерк христианского нравоучения в обычной форме систематических писаний. При этом потребовалось немного труда: надо было уничтожить форму писем, распределить все по надлежащим рубрикам и сделать несколько прибавок, кои составляют теперь небольшое отделение под заглавием «Основы христианской жизни». При всем том очерк сей, как очерк, представляет только эскиз нравоучения, и для полного разумения столь важного предмета оставляет желать еще многого. То, однако ж, что обещано во введении, исполнено по силам.

Е. Ф.

Введение

1) Христианство есть домостроительство нашего спасения в Господе Иисусе Христе. Так как человеку нельзя спастись без Бога, а Богу нельзя спасти человека без человека, то христианская вера учит, с одной стороны, тому, что Бог сделал для спасения человека, с другой – тому, что должен сам человек, чтобы улучшить спасение.

Последнее составляет предмет христианского нравоучения. Ищущий спасения, просвещаясь верой, должен иметь основательное познание и о том, чего требует от него вера, как следует ему жить и действовать, как христианину.

2) Такое познание может быть приобретаемо через чтение и слушание Слова Божия, отеческих писаний, бесед и поучений, предлагаемых с церковной кафедры, и друг от друга во взаимных сношениях с христианами. Но вернейшим способом к тому служит изображение христианской жизни в общем обзоре, где разные правила христианской жизни были бы изложены в порядке, во взаимном подчинении одних другим и в возможной полноте. Правила жизни в сем случае легче могут быть усвоены и вернее поняты.

Если собрать воедино все обращающиеся в жизни правила, найдется, что от иных требований христианства себя увольняют, другим дают превратный смысл, иные ограничивают условиями внешних обстоятельств, – и вообще великое найдется смешение в понятиях о должной христианской жизни и должном нравственном поведении христианина. Все сие от того, что правила нравственности христианской доходят до сведения по частям; а в отдельности действительно иное правило может показаться очень строгим, иное допускающим многообразные толкования и применения. Отвратить сию неправость легче всего полным изображением всего христианского нравоучения. И св. Василий Великий в свое время заметил подобное смешение в понятиях о нравственной жизни, когда «всякий самовластно свои мысли и положения выдавал за истинное правило жизни, а вкоренившиеся обычаи и предания человеческие сделали то, что одни грехи извиняли, а за другие без всякого разбора взыскивали, на некоторые, по видимому, малые, негодовали, а иные не удостаивали и легкого выговора». И потому, чтобы уврачевать сей недуг, он за нужное почел «выбрать из Богодухновенного Писания все, чем угождает и чем не угождает человек Богу, – и все рассеянные по разным местам запрещения и повеления, для легчайшего уразумения, представить совокупно в правилах, чтобы тем легче отучить людей поступать по навыку своей воли или по преданию человеческому» (Твор. св. от. Т. 9, с. 8, 20, 25, 36). С такой же целью предлагается и настоящее начертание образа истинной христианской жизни.

3) Жизнь христианина характеризуется верою; потому и нравоучение христианское должно быть охарактеризовано вероучением. Как в жизни вера и дела по вере входят друг в друга, переплетаются и взаимно друг другу содействуют; так и в учении – вероучение и нравоучение не должны терять друг друга из виду. Вероучение всегда вдавалось в ненужные отступления и утонченности, когда не держалось нравственных целей; а нравоучение принимало недолжные направления, когда не освещалось вероучением, главное же, оно тогда ничем не отличалось от нравоучения философского.

Последним замечанием не намекается, будто умозрительному, на естественных началах построеваемому, нравоучению совсем нет места в нравоучении христианском. Напротив, без него обойтись нельзя. Христианство восстанавливает наше естество и поставляет его в должный чин. Естество наше таким образом служит точкой отправления для воздействия на него христианства. Тоже и в нравоучении, показание, каковым должен бы быть человек по естеству, служит истолкованием, почему от него требуется то и то, если он хочет стать в настоящий свой чин: что есть в целях христианского нравоучения. Этого везде держится наше начертание.

4) Об источниках нравоучения христианского нечего говорить много. Они одни и те же с источниками вероучения. Довольно помянуть, что здесь, кроме Слова Божия и согласного учения св. отцов Церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаниями отцов подвижников, житиями святых и церковными песнопениями, в коих прославляются христианские добродетели.

Самым пригодным пособием для начертания нравоучения христианского могла бы служить христианская психология. За неимением ее приходилось довольствоваться своими о душевных явлениях понятиями, при указаниях отцов подвижников.

I. Основы христианской жизни

ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Жизнь христианская

- α) коренится в воплощенном домостроительстве,
- β) поддерживается, раскрывается и плодоносит в живом союзе с Церковью,
- γ) течет по предначертанной норме, вытекающей из двух предыдущих моментов.

Воплощенное домостроительство

Корень христианской жизни в воплощенном домостроительстве. Без сего домостроительства христианство, жизнь христианская и спасение немислимы. Оно предначертано от века, а в действие вошло в свое ему время, в лице Единого от Пресвятой Троицы, нас ради человек и нашего ради спасения, спешшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося, Христа Господа. От Него пошли христианская жизнь и спасение, и Им устроено и подается все потребное для сего. Все сие и есть воплощенное домостроительство.

В сущности оно есть восстановление падшего: *прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11). *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едишородиаго дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16). И вот чего ради *Слово плоть бысть* (Ии. 1, 14).

Как основа христианству, сему спасительному Божественному учреждению, положена воплощением Бога Слова; так основа жизни христианской полагается верой в

Домостроительство

Корень христианской жизни в воплощенном домостроительстве. Без сего домостроительства христианство, жизнь христианская и спасение немислимы. Оно предначертано от века, а в действие вошло в свое ему время, в лице Единого от Пресвятой Троицы, нас ради человек и нашего ради спасения, спешшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося, Христа Господа. От Него пошли христианская жизнь и спасение, и Им устроено и подается все потребное для сего. Все сие и есть воплощенное домостроительство.

В сущности оно есть восстановление падшего: *прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11). *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едишородиаго дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16). И вот чего ради *Слово плоть бысть* (Ии. 1, 14).

Как основа христианству, сему спасительному Божественному учреждению, положена воплощением Бога Слова; так основа жизни христианской полагается верой в сие Воплощение и причастием силы Его. *Веруяй в Сына, имать живот* (Ин. 3, 36); и: *уже веру имать... спасеи будет* (Мк. 16, 16).

Вера в силу воплощенного домостроительства есть *дар Божий* (Еф. 2, 8). Но побуждение к взысканию ее и к дорожению взысканною порождается разумным убеждением, что иного спасения нет, как чрез него. Этим-то убеждением и должно быть начато начертание христианского нравоучения, как руководства к христианской жизни, ведущей ко спасению. При сем ведать дается, что возведение к убеждению в необходимости воплощения для спасения нашего не будет введением в постижение сей тайны. Что *Бог явился во плоти*, сие выну пребудет *велиею благочестия тайною* (1 Тим. 3, 16).

К убеждению в необходимости воплощения Бога для нашего спасения возводимся не постижением сей тайны, а разумным усмотрением того, что условия нашего спасения не могли быть никем выполнены, как Богом воплощенным. Мы пали через грехопадение прародительское и попали в неисходную пагубу. Спасение наше должно состоять в избавлении нас от сей пагубы.

Пагуба наша состоит в двух злах: *во-первых*, в прогневании Бога нарушением воли Его, в потере Его благоволения и в подвергнутии себя клятве законной; *во-вторых*, в повреждении и расстройстве своего естества грехом, или в потере истинной жизни и вкушении смерти. Почему для спасения нашего потребны: *во-первых*, умиловление Бога, снятие с нас клятвы

законной и возвращение нам Божия благоволения; *во-вторых*, в оживотворении нас, умерщвленных грехом, или даровании нам новой жизни.

Если немилостивленным к нам пребудет Бог, мы не можем получить от Него никакой милости; если не получим милости, благодати не сподобимся; если благодати не сподобимся, новой жизни возыметь не возможем. И то и другое необходимо: и снятие клятвы и обновление нашего естества. Ибо если б мы и получили каким-либо образом прощение и помилование, но остались необновленными, никакой от того не получили бы пользы; потому что без обновления мы непрестанно пребывали бы в греховном настроении и непрестанно источали бы из себя грехи, а чрез грехи снова подвергались бы осуждению и немилости, или все оставались бы в том же пагубном состоянии.

То и другое необходимо; но ни тому, ни другому нельзя состояться без воплощения Бога.

Снятию с нас вины греха и клятвы законной, или нашему оправданию, состояться невозможно без воплощения бога

Для снятия вины греха и клятвы требуется полное удовлетворение правды Божией, оскорбленной грехом, или полное оправдание. Полное же оправдание, или полное удовлетворение правды Божией, состоит не в принесении только *умилостивительной жертвы за грех*, но и в *обогащении милуемого делами правды*, чтобы ими наполнить время жизни, проведенное в грехе и по помиловании остающееся пустым. Ибо закон правды Божией требует, чтобы жизнь человека не от грехов только была свободна, но и была наполнена делами правды, как сие показал Господь в притче о талантах, где раб, зарывший талант в землю, осуждается не за употребление таланта на зло, а за ничего не сделание на него, Но —

Довлеющую жертву за грех мог принести только бого человек, или бог воплотившийся

Будем ли внимать чувствам грешника, стоящего пред Богом с ясным сознанием Божией правды и своей грешности, или созерцать Бога, Который желал бы помиловать сего грешника, в том и другом случае увидим некое средостение, преграждающее путь нисхождению помилования от Бога на грешника и восхождению надежды на помилование от лица грешника к престолу милосердия Божия. Господь не милует несправедно, или когда оскорблена Его правда и неудовлетворена. Истинность и правосудие Божие требуют, чтобы неправый нес присужденную за неправду кару; иначе милующая любовь будет поблажающей снисходительностью. В душе грешника чувство правды Божией обыкновенно сильнее чувства милосердия Божия. Потому, когда приступает он к Богу, то сие чувство не только делает его безответным пред Ним, но подавляет совершенной безнадежностью. Следовательно, для сближения грешника с Богом и Бога с грешником необходимо разорить такое средостение, необходимо, чтобы между Богом и человеком восстало иное некое посредство, которое от очей правды Божией скрывало бы грех человека, а от очей грешника – правду Божию, – посредство, ради которого Бог видел бы грешника обезвиненным и достойным помилования пред лицом самой правды, а человек воззрев на Бога, как на умилостивленного уже и готового миловать грешника, – необходима жертва умилостивления, которая, удовлетворяя правде Божией и умиротворяя душу грешника, примирала бы Бога с человеком и человека с Богом.

Какая же это жертва? В чем она? И как может явиться с такой безмерной силой умилостивления?

Жертва сия есть *смерть*, – и *смерть человека*. Она вначале определена правдой Божией в казнь за грех; ее предлагает Богу и кающийся грешник, вопия: возьми жизнь, только помилуй и спаси, – хотя тут же чувствует, что его смерть не сильна спасти его.

Чья же это будет смерть?

1) Очевидно, что такой умилоостивительной жертвой не может быть смерть моя, другого, третьего и вообще кого-либо из рода человеческого; ибо и моя, и другого, и третьего и всякого вообще из людей смерть есть кара за грех и ничего умилоостивляющего не представляет. К тому же мы – люди – все без изъятия имеем нужду сами в сей жертве, и ею еще живые ищем помилования и оправдания, и, чтоб улучшить спасение, еще живые должны быть ради ее оправданы и помилованы. Потому умилоостивительной жертвой за грех может быть смерть только такого человека, который был бы изъят из круга людей, не переставая быть человеком. А это как возможно? Не иначе, как если он не будет принадлежать себе, не будет особое самостоятельное лицо, как всякий другой человек в среде людей, но принадлежать другому высшему существу, которое восприяло бы его в свою личность, ипостасно соединилось с ним, или вочеловечилось, и умерло его смертью. Это была бы смерть человеческая, никому из круга людей не принадлежащая.

2) Если же смерть умилоостивляющей и оправдающей жертвой не может быть смерть моя, другого, третьего и вообще кого-либо из людей, а между тем условием помилования и оправдания все же пребывает смерть человеческая; то и я, и другой, и третий, и вообще всякий человек не может быть помилованы и оправданы иначе, как чрез усвоение себе чьей-либо чужой смерти. А в таком случае она сама в том другом, умирающем человечески, от коего заимствуется, не должна быть следствием вины, или как-либо причастна ей: иначе за нее нельзя будет оправдывать других. Потому опять она, будучи человеческой смертью, не должна принадлежать человеческому лицу, – так как всякая, принадлежащая человеку смерть есть наказание, а принадлежать другому лицу, которое было бы свято совершеннейшей святостью. То есть умилоостивляющая и оправдывающая смерть человеческая возможна не иначе, как если какое святейшее существо, восприяв человека в свою личность, умрет им, чтобы таким образом, изъязв смерть человека из-под закона виновности, сообщить ей возможность быть усвояемой другим.

3) Далее, если помилование и оправдание человека возможно только чрез усвоение ему чужой невинной смерти, лица же, имеющие нужду в помиловании и оправдании, суть вообще все люди, живущие, жившие и имеющие жить, весь род человеческий во всех временах и местах; то для их помилования и оправдания необходимо или устроить столько невинных смертей, сколько людей или даже сколько грехопадений, или явить одну такую смерть, сила которой простиралась бы на все времена и места и покрывала все грехопадения всех людей. От всемилостивого и премудрого Бога, устрояющего спасение наше возможно только последнее. Как же это могло бы устроиться? Как смерть человеческая, сама по себе незначительная, может стяжать такую всеобъемлющую силу? Не иначе, как когда она будет принадлежать лицу везде и всегда существу, принадлежать Богу; т. е. когда Сам Бог благоволит приять в Свою личность человеческое естество и, умерши его смертью, сообщит ей всеобъемлющее и вечное значение, ибо тогда она будет Божескою смертью.

4) Наконец, смерть сия, по силе своей простираясь на весь род человеческий и на все времена, по цене должна соответствовать бесконечной правде Божией, оскорбленной грехом, иметь беспредельное значение, как беспределен Бог: чего стяжать она опять иначе не может, как быв усвоена Богом, или сделавшись смертью Бога; а это будет, когда Бог, восприяв на Себя человеческое естество, умрет его смертью.

Эти положения не из ума взяты, а заимствованы чрез наведение из того, что говорится в Слове Божиим о воплощенном домостроительстве нашего спасения. Ибо спасение наше уже устроено и готово для всякого желающего приять его. Сын Божий и Бог воплотился, крестной смертью принес Богу жертву умилоостивления за род наш, снял с нас вину греха и примирил нас с Богом. Сводятся указания о сем Слова Божия воедино, чтобы явно было, что воплощение Бога-Слова не есть избыток милосердия Божия; но, хотя есть свободное дело благоволения

Божия, такое, однако ж, без которого состояться нашему спасению не было возможно. В силу такого домостроительства Бог праведно нас милует и спасает.

Вот что говорит о сем Слово Божие:

Един Бог и *един Ходатай Бога и человеков*, человек Христос Иисус, *давший Себе избавление за всех* (1 Тим. 2, 5). *Им разорено средостение ограды* (Еф. 2, 14), и *водворен мир между Богом и человеком* (Рим. 5, 1; 10, 11). Его предложил Бог, в *жертву умилоствления чрез веру в кровь Его, чтобы показать правду Свою в прощении грехов...* дабы познали, что Он *праведен* и оправдывает (не без ничего), но *верующаго во Христа* (Рим. 3, 23–26), и таким образом *праведно примиряет в Нем мир с Собою, не вменяя людям прегрешений* (2 Кор. 5, 19). В Нем и мы, *чада гнева по естеству, безнадежные* (Еф. 2, 3; 12), *избавясь от изнеможения и ослабления душами* (от упадка духом по причине безнадежия) (Евр. 12, 13) и *возникши к надежде и упованию спасения* (Гал. 5, 5; 1 Пет. 1, 3; Евр. 7, 19), *имеем дерзновение и надежный доступ ко Отцу во внутреннейшее за завесы* (Еф. 2, 18; Евр. 6, 19), – *имеем свободу входить во святилище посредством крови Его, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам чрез завесу, т. е. плоть Свою* (Евр. 10, 19, 20). Ибо Христос *искупил уже нас от клятвы законные, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13), и *истребил рукописание, бывшее против нас, взяв его от среды, и пригвоздив ко кресту* (Кол. 2, 14).

А для сего Он -

1)¹ *Приемлет от Семене Авраамова* (Евр. 2, 16), *чтоб иметь, что принести Богу* (Евр. 8, 3), во всем *уподобляется братиям*, чтоб быть за них *первосвященником* для умилоствления за грехи (Евр. 2, 16, 17);

2) *Пострадал, как праведник за неправедников* (1 Пет. 3, 18), *претерпел крест вместо предлежащей Ему радости* (Евр. 12, 2), *не ведев греха соделался по нас грехом, дабы мы были правда Божия о Нем* (2 Кор. 5, 21), ибо таков и должен был быть для нас *первосвященник*, – *святый, непорочный, непричастный злу, отлученный от грешников и превознесенный выше небес* (Евр. 7, 26);

3) Не многократно приносит Себя – иначе многократно надлежало бы Ему и страдать, – но *единожды явился с жертвою Своею для уничтожения греха* (Евр. 9, 25, 26) и сим *единократным приношением тела освящает всех* (Евр. 10, 10); *вниде единою во святая вечное искупление обретый* (Евр. 9, 12); пребывая вечно; Он и *священство имеет непреступное*; почему *может всегда спасать* приходящих чрез Него к Богу, будучи *всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас* (Евр. 7, 24; 25; 1 Ин. 2, 1, 2);

4) *Такою ценою куплены мы* (1 Кор. 6, 20), *не серебром или золотом, но драгоценною кровию Христа, яко агнца непорочнои пречистаго Христа* (1 Пет. 1, 18, 19), *лучше глаголющего Авелевой* (Евр. 12, 24), и *очищающего паче крови козлей и тельчей, и пепла юнчаго* (Евр. 9, 13, 14); ибо с нею явился Христос *пред самое лице Божие о нас* (Евр. 9, 24); и сим приношением *снял с нас клятву, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13); и тем явил как *правду Божию* беспредельную (Рим. 3, 25), так и *богатство благодати Своей* (Еф. 1, 7).

Восполнить время жизни, проведенное в грехе, делами правды могут только дела богочеловека

Для оправдания человека мало того, чтоб только снять с него виновность в грехах, надо еще восполнить недостаток в его жизни дел правды и добра. Живя в грехе (разумеется здесь непрерывное грешение до обращения и прорывающиеся грехи по обращении), он не только опускает дела правды и добра, тратит время не на должное, но и наполняет его положительными делами неправды и зла, подлежащими соответственному наказанию. Когда снимается с

¹ Пункты сии соответствуют предыдущим пунктам.

него вина греховная чрез помилование и прощение и устраняется соответственное за нее наказание, тогда изглаждается только неправое и нечистое из его жизни, делается для его жизни то, что сих неправостей и нечистот как бы не было в ней. Но время жизни, проведенное в грехе, освобождаясь таким образом от бремени греховного, не приобретает еще чрез то дел правды и добра, которыми оно обязательно должно было быть наполнено, по первоначальному назначению. Так как правда Божия требует, чтобы вся жизнь человека была наполнена делами правды и добра, то помилованный только и оправданный еще не вполне прав пред Богом; для сего надобно еще пустоты его жизни наполнить делами правыми и добрыми.

Как же это возможно? Очевидно, что сам человек, обратившийся, раскаявшийся и прощенный, сделать этого не может, возревновав приумножить свои добрые дела. Потому что, что бы он в сем роде ни делал, будет делать лишь то, что для него обязательно делать в то время, когда делает, и чем потому нельзя восполнять прошедших опущений. Таким образом и это восполнение недостатка должных дел, как и прежде изложенное требование жертвы умилования, возможно для него только чрез усвоение ему таких дел чужих, или дел другого лица.

Кто же может быть для нас таким лицом, из богатства дел которого мы могли бы заимствовать себе дела для покрытия недостатка их в нашей жизни?

Он должен быть человеком, чтоб творить дела человеческие, дабы ими можно было восполнять недостатки таких дел в жизни человеческой. Но – в нем самом такие дела не должны быть обязательны для него, не должны быть его собственными делами или принадлежать ему: иначе их нельзя усвоить другим, взамен недостатка в них таких дел. Это же как возможно? Не иначе, как если какое-либо существо воспримет на себя человеческое естество и, сочетав со своей личностью, его силами будет творить дела человеческие, не будучи обязано творить их по своему естеству, чтобы, имея их в себе свободным богатством, иметь власть обогащать ими других. А таким существом, чтоб воспринять другое естество и творить дела его силами, необязательные для него самого, – кто может быть? Из тварей никакая не может быть такой. Всякая тварь свое назначение имеет и свой круг дел, которыми должны наполняться все моменты ее бытия и жизни. Потому она не имеет времени делать дела за других и для других. Это ей возможно только чрез опущение своих дел: что то же было бы, что, спасая других, себя губить. Кроме же тварей есть еще только Бог, ни от чего не зависимый. Итак, обогащение нас делами правды и добра, для восполнения ими недостатка их в нашей жизни, наипаче возможно, как когда Бог благоволил принять на Себя естество человеческое и силами его творить дела правды и добра – человеческие. Ибо такие только дела, будучи свободны от обязательства, и могут быть усвоены другим, как свободное богатство Бога воплощенного.

К тому же, так как в таких делах имеет нужду жизнь каждого человека, жизнь всех людей, и настоящих, и бывших, и будущих, то богатство их должно быть столь велико, чтобы могло удовлетворить всех, и сила их должна простираться по всем временам и на все человечество. Но сила всякого тварного существа, равно как значение дел его не могут простираться далее пределов его естества и никак не могут взойти до такой силы и пространства, чтобы обнять все человечество. Потому дела правды и добра, потребные для восполнения недостаточности таких дел в жизни каждого человека, чтобы иметь такое безмерное и вечное значение, должны быть совершены человеческими силами, но от такого лица, которое по своему существу вечно и беспредельно, т. е. от Бога; а это возможно только при ипостасном соединении Божества с человечеством в одном лице, или при воплощении Бога.

Таков и есть Господь наш Иисус Христос, как изображает Его Слово Божие. Оно представляет Его всякой полнотой, говоря, что *Отец благоволил вселиться в Нем всякому исполнению* (Кол. 1, 19). Разумеется полнота благ во спасение наше, в числе коих и полнота правды и добра в покрытие наших неправд и зол. Греха в Нем не было (1 Ии. 3, 3, 5), и Он ничего такого не сотворил (1 Пет. 2, 3, 5). Ибо творил только волю Божию, или всякую правду. Еще

принимая на Себя дело спасения нас, сказал Он Отцу: *иду сотворити волю Твою, Боже мой* (Евр. 10, 9); и пришедши на землю, в самом начале вступления в дело Свое, сказал Он Предтече: *остави; нам надо исполнить всякую правду* (Мф. 3, 15); и исполнял, свидетельствуя пред всеми, что *пришел не Свою творить волю и не ищет ея*, но одно имеет в желании – *творить волю Пославшаго* (Ин. 5, 30; б, 38), – до того, что *творение сие* имел единственной для Себя *пищею и питием* (Ин. 4, 34), послушлив быв даже до смерти (Фил. 2, 8). Как не было момента, чтобы Он не делал чего-либо, делал же всегда одну правду; то какое богатство дел правды и добра собрано было Им?

Но для кого и для чего? Для верующих во имя Его, ибо Сам Он не имел в сем нужды, будучи по естеству беспредельною правдою. Это было богатым наследием для взыскавших правды Его (Еф. 1, 18). От полноты сей и мы все прияли (Ин. 1, 16) и являемся *исполненными плодов правды* (Фил. 1, 11). Сею-то полнотою правды св. Павел и всем благожелает исполниться, и даже удостоверяет, что все уже и имеют сию полноту в Господе (Кол. 2, 10) и что, прияв сей дар праведности, они *в жизни воцарятся* (Рим. 5, 17), т. е. наследят Царствие Небесное. Почему обще сей апостол свидетельствует о Господе, что Он для нас есть *правда, освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30). Избавление здесь есть – прощение грехов; правда – покрытие наших неправд правдою Его; из того же и другого сложилось наше освящение. И блаженными называет апостол таких, коих не беззакония только прощены, но при сем вместе и грехи покрыты (Рим. 4, 7). Чем? Богатством правды Христовой. Так совершилось, что как единого прегрешением во вся человеки вниде осуждение; так Единого правдою во вся человеки вниде оправдание жизни (Рим. 5, 18).

Итак, заключим, загладить вину рода человеческого принесением подобающей жертвы и восполнить недостаток правды его могут только смерть и богатство правды Богочеловека. Следовательно, оправдание рода человеческого невозможно без воплощения Бога.

Но и обновление наше, или дарование нам новой жизни, также невозможно без воплощения бога

Для спасения человека, как замечено вначале, недостаточно только оправдать его пред Богом; надобно еще, по оправдании, сделать его сильным противостоять греху и твердо стоять на начатом добром пути, а для сего совершенно переродить его, дать ему новую жизнь, упразднить в нем начало жизни, достойной осуждения. Ибо пока будет в нем держаться сие начало, он не перестанет творить дела недобрые, и след, никогда не выйдет из-под клятвы и осуждения. И это без конца. Таким образом, без обновления нашего естества и самое оправдание ни к чему. Как же быть? Надо искоренить в нем это злое начало. А это как? Даровав ему новую жизнь, сильную вытеснить то злое начало.

В падении человек потерял свою истинную жизнь и начал жить какой-то иной жизнью, которую надо назвать ложной жизнью, смотря на нее с точки назначения человека. Она, начавшись в главе человеческого рода, разлилась потом во все члены его, так что весь род наш представлял одно огромное, ложно или не истинно человечески живущее тело. Очевидно, что для обновления этого в самом корне поврежденного тела человечества, надо отвне влить в него начало истинной человеческой жизни, подобно тому, как совершенно испорченное тело человека поновляют перелитием в него крови совершенно здорового организма, надобно, представляя человечество деревом, привить его от другого, полного здоровой жизни, дерева, чтобы оно, под действием его живительных соков, переродилось внутри и начало давать новые живые отростки, надобно восстать новой главе человечества, новому родоначальнику людей, чтобы, рождаясь от него, или перерождаясь, посредством заимствованного от него истинного начала жизни, они в союзе с ним составили новое тело человечества, полное истинной человеческой жизни.

Кто же может быть такой главой? Такая глава истинно обновленного человечества, сей родоначальник новых истинных человеков, очевидно, должен быть человеком, чтобы иметь возможность давать людям новую жизнь не другую какую, а человеческую же; потому что люди, имеющие от него заимствовать новую жизнь, могут жить только человеческой жизнью, а следовательно, и оживать только для нее и через нее. Но – сия человеческая в нем жизнь должна быть чистой, здоровой, неповрежденной, потому произойти от человеческого же существа, но необыкновенным человеческим способом; ибо всякая такая жизнь не может быть непричастной общечеловеческой порче. И не это только, но и, быв в самом происхождении претворенной и обновленной и в составе естества нашего и во всех его силах и отправлениях, пребыть потом навсегда неизменно такой. Такое же начало и такая неизменная пребываемость и твердость возможны в ней, только когда она будет совсем извлечена или отторгнута от обычной человеческой самостоятельности и самодейственности и будет не себе принадлежать, а будет носима и управляема иным лицом, обладающим творческой силой и Божеской неизменяемостью, или Богом; т. е., когда Бог, претворив и обновив творчески начала и стихии человеческого естества, образует Себе из них человека и, облекшись в него, будет жить и действовать Богочеловечески. Но в этом и состоит воплощенное домостроительство, представляющее столь необходимым для нашего спасения воплощение Бога-Слова.

Сверх того, сия новая жизнь во главе должна совмещать в себе такую полноту, чтобы, порождая новое человечество, не истощаться, а пребывать всегда полной, дабы не отрождать только новых членов, но отродивши всех, потом живить в их пребывании временном и вечном. Так как она, по естеству своему, не может быть такой, будучи тварной, то ей необходимо приять такое качество от другого лица, нетварного, или от самого Источника всякого бытия и жизни, от Бога присносущного; что и совершается чрез воплощение, в коем Бог приемлет человеческое естество в Свою личность и облекшись в него, сообщает ему присноживую неистощимую полноту.

Наконец, сей новый родоначальник, всех порождая к новой жизни, всех должен держать в единении и между собой и с Ним, чтобы все, живя единой жизнью и под единой главой, составляли единое живое, стройно сочетанное тело. И первоначальное назначение человечества было, чтобы оно все было едино по всему и жило единой жизнью. Но привзошел грех и разъединил всех, так что все человечество стало похожим на груду без живого сочетания и сочленения. Новое человечество, через нового родоначальника и главу, имеет назначение восстановить в себе сие потерянное единение. Потому человеческое естество в сем родоначальнике, оставаясь человеческим, не должно принадлежать себе, но иному лицу, всюду сущему, все содержащему и вечному, чтобы соединять в Себе людей всех времен и мест, блюсти их и направлять к последнему концу, с подчинением требованиям сего конца и всех других тварей, сущих в мире. То есть родоначальник сей, имея быть родоначальником человеков, должен быть не человеком только, но Богом в человеческом естестве, или Богочеловеком: в чем и состоит воплощение.

Таков Господь наш Иисус Христос, Бог от Бога, Слово, искони сущее у Бога (Ин. 1,1); Сын Божий, выну пребывающий в лоне Отчем (Ин. 1, 18). Он, не оставляя недр Отчих, благоволил приять плоть нашу, или наше человеческое естество (Ин. 1, 14), через рождение от Приснодевы в свое Ему время, для искупления нас и всыновления (Тал. 4, 5).

Обновив в Себе человеческое естество, Он стал начатком (Ин. 8, 25) новых человеков, живущих истинной человеческой жизнью, начальником сей жизни и раздаятелем (Деян. 3, 15). В Нем наша истинная жизнь (Ин. 1,4), полнота сей жизни, из коей, как из источника, предназначено почерпать ее и всем нам (Ин. 1, 16); и Он ею ихже хочет живить (Ин. 5, 21).

И стал Он таким образом новым Адамом, новым родоначальником, а все приходящие к Нему положенным путем и от Него возрождающиеся родом Его (1 Кор. 15, 45–48). Он глава,

а те – тело Его (1 Кор. 12, 27), из Него породившиеся (Кол. 2, 19), от плоти Его и от костей Его (Еф. 5, 30). Он древо, а те – ветви (Ин. 15, 5).

Для сего всякий, приступающий к Нему, по покаянии и отречении от всего прежнего, приемлет св. крещение, в коем ради веры и решимости работать Господу, совлекается ветхого человека и облекается в нового, после чего ветхий человек в нем умирает и жить начинает новый, созданный по Богу, в правде и преподобии истины (Рим. 6, 3–6; Еф. 4, 24). Ибо здесь верующие облекаются во Христа, Который есть живот наш (Кол. 3, 4), и дает нам силу так быть, чтобы кому не жить нам себе, но умершему за нас и воскресшему Господу (2 Кор. 5, 15), чтобы мы не сами уже жили, но жил в нас Христос (Гал. 2, 20), с Коим живот наш сокровен есть в Боге (Кол. 3,3).

Так, еще кто во Христе нова тварь (2 Кор. 5, 17), вновь раждаемая водою и Духом (Ин. 3, 3, 5); ради чего все такие, яко от Бога рожденные, суть и именуются чадами Божии (Ин. 1, 12, 13), и усыновление восприемлют (Гал. 4, 5). И се – новое человечество, род избран, царское священие, язык свят, люди обновления, долженствующие возвещать добродетели Того, Кто из тьмы призвал их в чудный Свой свет (1 Пет. 2, 9) и перевел от смерти в живот (1 Ии. 3, 14).

Вот первая основа христианской жизни – вера в воплощенное домостроительство нашего спасения в Господе нашем Иисусе Христе, глубокое в силе его убеждение, не допускающее ни малейшего в сем колебания или раздвоения в мыслях и с крепким упованием неподвижно стоящее на том, что нет ни о едином же ином нам спасения, и нет иного имени под небесем, данного в человецех, о немже подобает нам спастися (Деян. 4, 11, 12). Остается или к Господу Спасителю прилепиться, или погибать. Ибо кто не с Ним, тот, что бы ни делал, не собирает, а расточает (Лк. 11, 23). Никто не может делать ничего, достойного спасения, если не пребудет в Господе (Ии. 15, 4–6). Се дверь, вводящая внутрь храма спасения! Се камень, основание полагающий созиданию в духе храмины спасения для вселения в нее Господа Спасителя (Мф. 16, 18).

Союз с церковью

Вторая основа христианской жизни, с первой неразлучная, есть живой союз с телом Церкви, коей Господь – глава, живитель и движитель. Господь наш Иисус Христос, Бог и Спаситель, совершив на земле, еже о нас Божественное смотрение, вознесся на небеса и ниспослал от Отца Всесвятого Духа; потом с Ним, по благоволению Отца, чрез св. апостолов устроил на земле св. Церковь, под Своим главенством, и в ней совместил все, потребное для нашего спасения и жизни сообразной с тем. Так что теперь чрез нее уже ищущие спасения получают от Него и искупление с отпущением грехов и освящение с новой жизнью. В ней поданы нам *все Божественные силы, яже к животу и благочестию*, и дарованы *честныя и великия* обетования; и если мы в силу сего потщимся украсить всякой добродетелью, то нам без всякого сомнения обильно преподается вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (2 Пет. 1, 3-11). Св. Церковь и есть новое человечество, от нового родоначальника Христа Господа.

Во время пребывания Своего на земле, Господь только обетовал устроить св. Церковь на камне твердого исповедания Его воплощенного домостроительства. Самое же создание ее по воле Отца совершил Он со Святым Духом чрез святых апостолов, утвердив и оградив ее *догматами, заповедями, таинствами, священнодействиями, канонами и достоудобным руководством* и во всем сем показав верный путь в Царствие Небесное, которое уготовал верным, к которому благоволил призвать и нас всех.

Во св. Церкви все от Господа Иисуса Христа со Святым Духом по благоволению Отца чрез св. апостолов, и все, содержимое ею, должно быть содержимо и исполняемо всеми, вступающими в нее и делающимися членами ее, по всем означенным пунктам или сторонам устройства Церкви. Все то действительно содержится и исполняется всеми, в живом с нею союзе состоящими, вследствие чего они едино суть, – *едино тело и един дух* (Еф. 4, 4), – и в исповедании веры или содержании *здраваго образа словес* (2 Тим. 1, 13), и в жизни по заповедям или в исполнении воли Божией, и в освящении таинствами, и в молитвенных к Богу приступаниях, и в подчинении канонам и установленному руководству. Действующие так, ходят достойно звания своего, *тщящяся блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4, 1–6). А отступающие от сего, выделяют себя из Церкви внутренно, и если не послушают увещательного гласа ее, матерински к ним обращаемого на вразумление их, отлучаются от нея и внешне, и вступают в ряды язычников (Мф. 18, 17).

Суция в Церкви, истинные чада ее, блюдут единение духа в союзе мира и состоят потому в живом союзе с нею; вновь вступающие дают обет объединиться с нею и действительно объединяются по вступлении внутрь ее; рождающиеся внутри Церкви, возрождаются к новой жизни и затем воспитываются и возрастают в духе ее и во всех порядках ее. Все такие суть живые члены Церкви, и от

Главы ее чрез Духа Святого сподобляются всех духовных благодатных благ, с обетованием и вечных. Те же, которые отступают от показанного устройства Церкви, хотя в Церкви числятся, но не состоят с нею с живом союзе, потому не суть живы, а умерли или замерли. Их держат в Церкви в чаянии, что они опомнятся, возникнут от одержавшей их сети и поспешат восстановить нарушенный ими союз с Церковью и с Господом Главою ее и опять вступить в чин спасаемых. Все, содержимое Церковью, не таково, чтобы могло быть оставляемо на произвол, но таково, без чего не может состояться спасение. Ибо оно есть осуществление, или явление на деле воплощенного домостроительства, без коего нет спасения. Почему чуждый Церкви чужд Христа Господа и спасения в Нем.

Итак, что предлежит решающему содевать свое спасение и начать жить по-христиански? Восприять воцерковление, если не имел его, оживить, если имел и потерял, и затем блюсти его

вседушно и пребывать в нем; и жизнь его будет поддерживаться, зреть и востекать к совершенству в Господе Иисусе Христе. Это стоит в числе неотложных условий христианской жизни.

Такое требование само собой вытекает из теснейшего союза Господа с Церковью и Церкви с Господом. В Слове Божием союз сей представляется под образом союза главы с телом. Оно говорит, что Христос есть *глава Церкви* (Еф. 5, 23), *глава телу Церкви* (Кол. 1, 18), а Церковь есть *тело Его, исполнение исполняющего всяческая* во всех (Еф. 1, 22, 23); что, по св. Златоусту значит, что Церковь полна Христом и что Он все члены ее исполняет, так что в ней всяческая и во всех Христос (Кол. 3, 11).

Как глава, Он есть и *Спаситель тела Церкви* (Еф. 5, 23); *питает и греет ее*, яко сущую от *плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 29, 30): *любит ее*, и *ея ради предал есть Себя, да освятит ю*, очистив банею водною в глаголе, да представит ю Себе славу Церковь, неимущую скверны или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна (Еф. 5, 25–27); Церковь же во всем *повинуется Христу* (Еф. 5, 24).

Тело по существу своему несть един уд, но мнози; но все такие уды единого тела, мнози сущи – едино суть тело: тако и Христос (1 Кор. 12, 12, 14), или – как и тело Церкви, коей глава Христос. Христос Господь *дал Церкви Своей овы апостолы, овы же пророки, овы же благоестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф. 4, 11, 12). Это главнейшие члены (заправители), но и все другие назначаются на служение всему телу Церкви, чтобы никого не было праздного, как и в животном теле нет и малейшей частички без дела. Для чего всякий получает свой дар: *овому дается слово премудрости, иному слово разума; другому вера, иному же дарование исцелений; другому действие сил, иному же пророчества; другому рассуждение духовом, иному же роди языков, другому же сказание языков* (1 Кор. 12, 7–10). Потому и положено было, чтобы *каждый какое приял дарование, тем и служил всем, яко добрый строитель Божественной благодати*: аще кто глаголет, яко словеса Божии, аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог, да о всем славится Бог Иисус Христом (1 Пет. 4, 10, 11); имеет ли кто пророчество, пророчествуй по мере веры; имеет ли кто служение, пребывай в служении; учитель ли кто, пребывай в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием, и проч. и проч. (Рим. 12, 6–8).

Таким взаимодействием всех членов все здание тела, будучи сгармонировываемо, растет в Церковь святую о Господе, в Коем и все созидаются в жилище Божие Духом (Еф. 2, 22). Чего ради и внушается всем, истинствующе в любви, возвращать всяческая в Того, Кто есть Глава, т. е. во Христа, из Которого все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких, взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания себя самого в любви (Еф. 4, 15, 16).

В сие-то тело мы крестились и все единым Духом напоились (1 Кор. 12, 13), т. е. через крещение вошли в нее и объединились в ней духовно, обязуясь к единомыслию, единоволию, единочувствию и единодействию, – *дане будет распри в телеси* (1 Кор. 12, 15–25).

Судя по всему, Церковь есть лоно матернее, зачинающее, образующее, возвращающее и совершающее каждого христианина: как в лоне природы разные твари засеменяются, прорастают, растут, вырастают и плодоносят во славу Божию. Как нет жизни и живых существ вне природы, так вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц. Почему быть в Церкви, в живом с нею сочетании и союзе есть неотложное условие для желающих жить духом и в христианской преуспевать жизни.

Норма христианской жизни

Под нормой разумеется здесь такое правило, которое, определяя цель человека и средства к достижению ее, дает руководительное указание, куда и как следует направлять жизнь свою.

Предначертание такой нормы положено в создании человека по образу и подобию Божию и вдунутии в лице его дыхания Божественной жизни. Но привзошло падение и расстроило ее. Расстроило, но не уничтожило. Потому, когда совершилось воплощенное домостроительство в восстановление падшего, тогда помилованный и обновленный в силу его человек, хотя получил новую норму для духовно-нравственной жизни своей, такую, однако ж, которая стояла на первоначальной норме, испорченной падением, восстанавливая ее, пополняя и в совершеннейшей являя форме.

Таким образом, нам предлежит начертать сначала ос) первоначальную норму нравственной жизни человека; а потом, применительно к ней, установить р) норму нравственной жизни христианской.

Первоначальная норма нравственной жизни человека

При уяснении нормы жизни нравственной требуется, как сказано выше, определить

α) цель человека

β) средства, какие даровал ему Бог для достижения ее; и из той и других

γ) вывести общее руководительное правило для жизни нравственной. Итак —

Какая цель человека?

Последняя цель человека – в Боге, в общении или живом союзе с Богом. Созданный по образу и подобию Божию, человек по самой природе своей есть некоторым образом Божеского рода. Будучи же рода Божия, он не может не искать общения с Богом, не только как со своим началом и первообразом, но и как с верховным благом. Потому-то сердце наше и бывает довольно только тогда, когда обладает Богом и бывает обладаемо от Бога. Ничто, кроме Бога, не успокаивает его. Соломон много знал, многим обладал и многим наслаждался; но все это наконец должен был признать суетой и крушением духа (Еккл. 1, 8, 17, 18; 3, 10, 11; 8, 17). Один покой для человека в Боге. *Что ми есть на небеси и от Тебе что восхотех на земли; исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во век* (Пс. 72, 25, 26). «В Боге жизнь», – учит Василий Великий. «Отчуждение и удаление от Бога есть зло несноснейшее даже будущих геенских мучений, зло самое тяжкое для человека, как для глаза лишение света и для животного отнятие жизни»². И еще: «Что было для души преимущественным благом? Пребывание с Богом и единение с Ним посредством любви. Отпав от Него, она стала страдать» (Тв. св. от. Вас. Вел. т. 4, с. 154). Посему-то нам внушается: *взыщите Господа, взыщите лица Его выну* (Пс. 104, 4). Пророк Моисей поставлял зрение лица Божия краем своих желаний и после того уже, как Бог явил через него и в нем столько чрезвычайных действий Своей благодати и всемогущества: *аще обретох благодать пред Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя* (Исх. 33, 13), молился он. С каким страхом взывал ко Господу пророк Давид: *не отвержи мене от лица Твоего* (Пс. 50, 13), зная, что *удаляющий себе от Него погибнут!* (Пс. 72, 27). С каким желанием устремлялся он всегда к Богу: *возжада душа моя к Богу...* (Пс. 62, 2); *имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе,*

² Хр. Чт. 1824 г. ч. 13. Бог не есть виновник зла.

Боже! (Пс. 41, 2). С какой теплотой упокоивался в Нем едином: *мне же прилепляться Богови благо есть!* (Пс. 72, 28).

Но не в этом одном устремлении всех желаний к Богу – наше благо. Жажда без утоления, алчба без насыщения, потребность без удовлетворения есть скорбь, болезнь, мучение. Ища Бога, мы хотим обрести Его, хотим обладать Им и быть обладаемыми от Него, приискренно приобщиться Его, быть в Нем и Его иметь в себе (Макария Великого послание... в начале. Москва. 1952 г. с. 429). В этом-то живом, внутреннем, непосредственном общении Бога с человеком и человека с Богом и есть его последняя цель.

Таким сие общение изображается в Слове Божиим. Так Сам Бог об одних говорит: *не имать Дух Мой пребывать в человецех сих, зане плоть суть* (Быт. 6, 3), а другим обещает: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). «Внимай, – говорит на сие место св. Златоуст, – кто обитает в тебе! Ты Бога носишь в себе». Спаситель обещает внутреннейшее некое вселение Бога в сердце человеческое, когда говорит: *к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ии. 14, 23). Св. Иоанн Богослов учит, что когда кто пребывает в любви, то не только он пребывает в Боге, но и Бог в нем пребывает (Ии. 4, 16). У св. отцов живое общение с Богом возводится до обожения человека. Так св. Григорий Богослов изображает человека «живым существом, чрез стремление к Богу достигающим обожения»³.

Феодор, епископ Едесский, так учит о цели человека: «цель жизни нашей есть блаженство, или, что все равно, Царство Небесное или Царство Божие, которое состоит не только в том, чтобы зреть царственную, так сказать, Троицу, но и в том, чтобы получать Божественное влияние и как бы принимать обожение, и в сем влиянии находить исполнение и совершение всех недостатков и несовершенств. В сем-то состоит пища умных сил, т. е. в восполнении недостатков посредством Божественного одного влияния»⁴.

У св. Макария почти в каждой беседе можно находить напоминание о живом общении души с Богом. Так в 46 беседе он учит, «что Бог сотворил душу человека такой, чтобы быть ей невестой и сообщницей Его и чтобы Ему быть с ней единым растворением и единым духом» (параграф 6). Посему, «если душа прилепляется Господу, то и Господь, милосердием и любовью подвигнутый, к ней приходит и ей прилепляется, и тако един дух и едино растворение, и един разум бывает душа и Господь» (параграф 8).

«Для человека нужно, – говорит он в другом месте⁵, – чтобы не только сам он был в Боге, но и Бог был в нем».

Не подумал бы кто однако ж, что живой союз с Богом есть исчезновение души в Боге с насилием ее самостоятельности и свободы. Нет, хотя душа действительно стоит при сем под Божественным влиянием, прикасается некоторым образом Богу и проникается Его силою, однако ж не перестает быть душой – существом разумно-свободным, подобно тому, как раскаленное железо или уголь, проникаясь огнем, не перестают быть железом и углем. Она приобретает только чрез сие общение полнейшую и скорейшую силу действовать по воле Божией – свободно, но и беспрекословно. С другой стороны и то неверно, если б кто стал думать, что когда Богообщение поставляется последней целью человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения. Состояние, в котором человек сознает, что Бог истинный есть его Бог, и сам он есть Божий, т. е. говорит в сердце своем Богу: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28), как апостол Фома, и к себе самому: *Божий есмь – Божий есмь* (Ис. 44, 5), – такое состояние есть единое истинное состояние человека,

³ Твор. св. отц. ч. 3, с. 243; еще ч. 2, с. 96.

⁴ Хр. Чт. 1825. 17. 190.

⁵ Посл. С. 429. Моск. издан. 1852.

есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно-нравственной и духовной жизни.

И так далеки от истины те, кои поставляют последней целью человека самого же человека, какими бы пышными названиями они ни украшали ее, развитием, например, духовных сил или стремлением к усовершенствованию. При такой цели люди разъединяются заботой только о себе и привыкают все обращать в средство, не исключая даже и Самого Бога, тогда как, на самом деле, человек, как и все сотворенное, есть средство в деснице Божией для целей Его Божественного Промысла. *Вся созда Господь Себе ради* (Притч. 16, 4). *Посему о Нем живем, движемся и есмы* (Деян. 17, 28), *яко из Того, и Теми в Нем всяческая* (Рим. 11, 36). Несправедливо последней целью человека ставляет и одно благо ближних, т. е. людей, даже и в том смысле, что вся забота его должна быть обращена на благосостояние общества. Содействовать общему благу есть беспрекословно долг человека, но не первый и не исключительный. Если поставить это первым долгом, то всякий человек мысль и сердце обратит на других, а не к Богу, и следовательно, все в совокупности составят общество людей, сомкнутых в себе, но душой отторгнутых от Бога. Это будет тело без главы. Напротив, при Богообщении, все люди, сходясь в сей единой цели, не мысленно только, но самым делом соединяются, и все, единым духом и единой силой преисполняясь, составляют единое, живое и стройное тело. Под этим только условием и может созидаться истинный и надежный союз между людьми.

Вот цель!

Спрашивается,

Какой путь к сей цели, или как приспособлен к ней человек?

Твари неразумные достигают своего назначения, сами не зная того, по самой природе или устройству своему. Человек – тварь разумно-свободная – должен сам сознать свою цель, познать *путь*, ведущий к ней, и *свободно* определить себя идти неуклонно сим путем, чтобы достигнуть цели и осуществить свое назначение. Из сего само собой открывается, что, коль скоро указано будет а) *значение нравственной свободы* и ее истинное употребление, коль скоро будет определен б) *путь*, который она должна избрать, и в) *обозначены основания*, по которым она должна это сделать, – то совокупностью всех этих понятий изобразится, как приспособлен человек к своей цели, к которой должен стремиться всем своим существом, и следовательно, обозначится все, что от него требуется, чтобы быть верным своему назначению, или, что то же, быть в общении с Богом.

Свобода

Удостоив воспринимать человека в живое общение с Собою, Господь даровал ему *свободу*, чтобы сие общение совершалось Богодостойным образом, т. е. даровал ему власть располагать своими внутренними и внешними действиями по представлению цели или по своему усмотрению. Ибо человек должен наперед владеть собой, чтобы потом предать себя Богу. Бог, устроив существо человека, отдал его самому себе, чтобы делал, что хочется, с собою и со своими силами. *Сам из начала сотвори человека,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.